

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 882

*Э.А.Тамаркина***МОТИВЫ ХРИСТИАНСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ
В МОРАЛИСТИЧЕСКОМ БЛОКЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ
СКАЗОК**

На примере сказок из собрания А.Н.Афанасьева «Русские народные сказки», отличающихся ярко выраженной христианской моралистической нравственностью, рассматриваются основы морально-этического кодекса русского народа, положения которого восходят к заповедям Священного писания. Исследуемые сказки впервые введены в оборот под данным углом зрения. Последовательно выделены легендарные, новеллистические сказки с моралистической основой и отдельно — моралистический блок русских народных сказок с их классификацией и анализом трех основных групп.

Ключевые слова: классификация, христианская мораль, сказочные персонажи.

Народная сказка — явление исключительно многообразное. Среди них есть сюжеты, известные во всем мире, что связывает сказки народов мира между собой. Но у каждого народа есть свои национальные сказки, свои сюжеты. Недаром В.Я.Пропп подметил, что «сказка — символ единства народа»¹. В сказке проступает характер народа, его основные ментальные черты.

В фольклористической науке XIX—XX вв. все отчетливее выявлялось стремление через народную сказку раскрыть нравственные качества народа, его мировоззрение. Еще В.Г.Белинский в статье «О народных сказках» (1841) указывает на то, что в русских сказках «...виден быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия и этот лукавый русский ум, столь склонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве»².

Многие исследователи фольклора, занимавшиеся изучением и классификацией русской народной сказки, наряду с основными группами обращали внимание на сюжеты с христианскими мотивами.

вами. Так Ю.М.Соколов среди бытовых сказок выделил «сказки-легенды» и подчеркнул, что эти сказки «божественные, насыщенные идеями и обрядами христианской мифологии»³. Сопоставляя данные сказки с религиозными легендами, он отметил близость последних к «духовным стихам», и что самыми распространенными темами «божественных сказок были в русском фольклоре темы о Христе и святых»⁴. Легендарные сказки были выделены в отдельную жанровую разновидность в указателе сказочных сюжетов к сборнику А.Н.Афаньева «Народные русские сказки», переизданному в 1957—58 гг. (№ 750—849, подготовка и примечание В.Я.Проппа)⁵. По сюжетам легендарные сказки были разделены на четыре группы:

1. Награждение и кара (№ 750—779). Сказки «Скупые хозяева» (Аф. 203, 347); «Мертвец не имеет покоя в могиле» (Аф. 359); «Жестокий помещик» (Аф. 226); «Смерть скупого» (Аф. 370).

В данной группе сказок присутствуют мотивы наказания зла Господом Богом или святым, явившимся в виде нищего странника.

2. Правда выходит наружу (№ 780—789). Сказка «Чудесная девочка» (Аф. 244, 246, 569). В сказках находит отражение один из самых тяжких грехов — братоубийство.

3. Запроданный черту (№ 810—814). Сказки о запроданных черту, о проклятых родителями детях, об унесенных чертом вследствие неосторожного слова (ругательство «черт бы ты взял»), сказанного матерью. Это сказки «Проклятая дочь» (Аф. 227, 228); «Проклятый внук» (Аф. 229).

4. Прочие легендарные сказки (№ 826—849) — сказки о «Кладе» (Аф. 258); «Честная копейка» (Аф. 217, 218, 297); «Вор и святой Николай» (Аф. 451); «Крестпоручка» (Аф. 450).

Терминологически легендарные сказки можно обозначить как сказки моралистические, т. к. их основная функция — скрытое или явное поучение. Их морализирование построено на боязни греха, базирующихся на основах православной нравственности.

В монографии В.Я.Проппа «Русская сказка» среди 12 подвидов новеллистических сказок выделены и моралистические сказки. Он их характеризует следующим образом: «Это рассказы о страшных грешниках, которых постигла кара. Примыкая к сказкам, они своим идейным складом близки к легендам и образуют как бы промежуточное звено»⁶. Как и легенды, они отражают христианскую идеологию и содержат в себе нравоучение.

На переплетение сказок с моралистической основой с другими жанрами прозы обратила внимание М.А.Вавилова⁷. Она отметила, что данные сказки связаны с легендой так, что трудно установить между ними границу. Эти виды народной прозы, отмечает исследовательница, беспрестанно смешивались и в сказки проникали мотивы легенд. О моралистическом характере ряда русских сказок, о назидании и дидактической основе их писал также Н.И.Кравцов⁸.

И.П.Аникин, обращаясь к сказкам новеллистического характера, отметил связь их с легендами, в которых отразилось христианско-религиозное мировоззрение народа и указал на их назидательную основу. «Главное свойство этого жанра — утверждение морально-этических норм христианства, идей, возникающих под влиянием воодушевленного отношения к вере»⁹.

Легендарные и новеллистические сказки оказываются разделенными в «Указателе сказочных сюжетов восточно-славянской сказки» (сост. Л.Г.Баряг и др. 1979 г.). Продолжая В.Я.Проппа, в указатель введен уже гораздо больший объем сказочных сюжетов. В легендарных сказках особое внимание уделено теме греха и прощения. Например, сюжет «Два великих грешника»: великий грешник (разбойник) кается, на него налагают эпитимию; убивает еще большего грешника (жестокого помещика) и получает прощение (Аф. Легенды № 28 а, в). Или сюжет «Кумова кровать»: ребенок запродан черту; обращается за помощью к куму сатаны (разбойнику); добывает в аду расписку, причем кум узнает об ожидающей его страшной кровати; кум сатаны кается и получает прощение (Аф. Легенды. № 27).

Таким образом, легенды и моралистические сказки по своей функции оказываются связанными теснейшим образом.

В сказках с моралистической направленностью часто повествуется о чертях, нарушающих божественные заповеди или провоцирующих их нарушение. Для русского крестьянина важны были христианские ценности, была боязнь греха. Поэтому пороки, которые существовали в крестьянской среде, находят свое осуждение в сказках. Фундамент народного мировоззрения — это священные заповеди, на которые народ ориентировался в оценке всех жизненных явлений. В.Я.Пропп писал: «При всей нищете и трудности своего существования он внутренне жил идеалами высшего мировоззренческого порядка», а также и «идеалами житейскими»¹⁰.

Все повествованием сказка с моралистической направленностью подсказывает путь спасения, дает правильный нравствен-

ный ориентир. Глубина и высокий настрой делает данную сказку уникальным явлением в русском фольклоре. Это подтверждается той силой нравственного воздействия, которое она оказывала на слушателей. Специфика этих сказок определяется не столько внутрижанровыми закономерностями, сколько событиями и характером повествования. Сами же события служат лишь орудием выявления основных человеческих пороков.

Данные сказки можно разделить на несколько групп, исходя из их своеобразия: 1) сказки по своей специфике близкие к волшебным; 2) сказки, близкие к социально-бытовым; 3) переходный тип между сказкой и христианской легендой.

Центральный мотив, который формирует идейный стержень этих сказок — вера в Бога. Сказки самым тесным образом связаны с десятью священными заповедями (Ветхий завет. Исход. 20: 2—17), любые нарушения которых является грехом, разрушающим все существо человека. Все его силы враждуют между собой: ум ссорится с сердцем, а это и есть источник мучений. Поэтому цель этих сказок состоит в восстановлении нарушенной гармонии.

В первой группе сказок, в которых сюжет развивается по законам волшебной сказки, моралистическая направленность их заставляет задуматься над смыслом некоторых поступков человека. В сюжете 'запроданный черту' (Аф. 226) главное — мотив греха. Человек не выдерживает испытания. Продрогши, за тепло у костра, не ведая, герой сказки отдает нечистому «то, чего дома не знает» (родившегося в его отсутствие сына).

Все в сказке подчинено осмыслению пятой Божьей заповеди: «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет, и да долголетен будешь на земле». Главный герой — сын согрешившего отца, выросши, выполняет свой сыновий долг, выполнение которого всегда было святым делом. В двухплановом мире сказки — условно реальном и потустороннем — сын, пройдя все посланные ему испытания (пасьба кобылиц у черта, приручение дикой кобылы [жены черта], покорение змея, под которым завуалирован черт), одерживает победу. Спасется сам и спасает отца. Мораль сказки: Бог допускает зло, он испытывает человека, но каждый, кто нарушит его законы, будет нести тяжелую службу у нечистого. Искупить грех, одержать победу над ним можно только добрыми делами и верой.

Прояснить моральную ценность данной сказки поможет одна из заповедей Блаженства из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

Только добрыми делами можно заслужить будущее прощение и помилование Бога.

С пятой заповедью связан сюжет сказки «Мертвец не имеет покоя в могиле» (Аф. 359), который соотносится с мотивом о благодарном мертвце. Младший из двух сыновей нарушает заповедь — уходит добровольно в солдаты, оставив без опоры престарелых родителей, и мать его прокликает. Погибнув, младший сын не находит покоя. Его душа становится неприкаянной. Только вымоленное через старшего брата прощенье матери дает мир душе грешника и спасает его от духовной смерти, которая страшней физической. По христианской нравственности искупление греха всегда связано с покаянием. В сказке уравниены отношения живых и мертвых, так как у Бога этого разделения нет. Души бессмертны, они только сбрасывают телесную оболочку, чтобы перейти к жизни вечной. И главное условие их существования — приобретенный вечный покой. И, раскаявшись, герой получает высшую благодать Божью — Царство небесное. Поистине «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (шестая заповедь Блаженства). Получает благодать и согрешившая мать, так как простила сына: «Блаженны милостивии, ибо они помилованы будут» (пятая заповедь Блаженства).

В сказках с моралистическими мотивами красной нитью проходит мысль о том, что человек, живущий по Божиим заповедям, награждается, а нарушающий их, заслуживает кары Господней. В сюжете сказки «Убогий» (Аф. 347) реализуется пятая Господня заповедь — «Не укради». Герой ее делает выбор: или воровать и жить в достатке, или жить честно, но в нищете. Боязнь нарушить нравственные нормы не дает ему возможности уйти с истинного пути. Бедность герою не страшна, потому что русский человек велик в своем смирении, и именно с этим можно соотнести четвертую заповедь Блаженства: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».

Бедность народа вызывает не столько сострадание, сколько восхищение тем, что она его не гнетет, так как народ русский богат духовно и открыт для восприятия высших христианских истин: «Блаженны нищие духом, яко их есть Царство Небесное» (первая заповедь Блаженства). Но в народе нет коленопреклонения перед нищетой, хотя есть ее притяжение в противовес богатству, которое всегда осмыслялось как зло, и поэтому на Руси никогда не любили и не любят богатых. Об этом красноречиво говорят русские народ-

ные сказки. Бог, по мнению простых людей — «нищих духом», то есть открытых для приятия высших духовных ценностей, — невидимо помогает им за то, что они чисты сердцем. А бедность — это испытание, которое посылается людям, чтобы они могли сделать свой выбор и строить свою судьбу, соблюдая нравственные заповеди.

В сказке «Убогий» на самую распространенную тему бедности и богатства звучит евангельский мотив «об умножении хлеба». Можно предположить, что убогий, которого по дороге подобрал крестьянин Нестерка и который половиной просвирки накормил его семью с шестерыми детьми, есть сам Иисус Христос. Он ведет нищего мужика и награждает его за послушание, которое является истинной христианской добродетелью (в этике православия «Послушание выше молитвы»). Нарушившие восьмую Господню заповедь, скупые и грабящие обездоленных, подвергаются жестокому наказанию: дом их проваливается сквозь землю, остается только печной столб да рукавицы убогого на нем — символ опознания трудового человека. Таким образом, только соблюдение священных заповедей приводит человека к счастью и благоденствию.

Одним из самых тяжких человеческих грехов, который отражен в данных сказках, является грех, связанный с нарушением шестой заповеди «Не убий!». Жизнь в понимании народа всегда была бесценным даром Божиим. Посягающий на нее являлся похитителем достояния Господня, поэтому убийство всегда осуждалось во всех жанрах русского фольклора. На этом осуждении строится сюжет сказки «Чудесная дудочка» (Аф. 244, 245): сестра убивает брата. Истоки убийства лежат в нарушении десятой заповеди: «...не пожелай дому ближняго твоего... ни всего елика суть ближняго тво-его»¹¹ (не завидуй). Взаимоотношения родителей и детей, а также детей между собой даны в сказке во всей их сложности и неоднозначности. В ней даже нет прямого осуждения, но сюжетное развитие приводит к выводу: тот, кто нарушит заповедь, понесет наказание.

С нарушением шестой заповеди также связан еще один тяжкий грех — проклятие родителей своих детей. Тем самым они губят их, запродав нечистому. Хульный грех в православии считается грехом таким же тяжким, как и убийство¹². Ведь дети — благодать Божья, ими Бог благословляет семейное счастье.

В сказке «Проклятый сын» (Аф. 229) мать прокляла сына, когда он был еще во чреве. Ставши взрослым, он попадает в цар-

ство Сатаны. Его мольбы, обращенные к Богу, чтобы тот осудил его матушку за то, что прокляла его во чреве, оказываются услышанными только тогда, когда на выручку к нему приходит его жена. Победить Сатану помогает христианская сущность персонажа — надежда на милость Божью и терпение, приведшие его к счастью. Сказка заставляет задуматься над тем, что человек должен нести ответственность за каждое свое слово, так как не только от поступков, но и от слов может зависеть судьба человека. Кроме того, сказка учит христианскому всепрощению, любви к ближнему и тем самым открывает дорогу к Богу. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» — так гласит седьмая заповедь Блаженства.

Во второй группе сказок раскрывается взаимоотношение нравственных заповедей и человеческих поступков. Нарушение десятой заповеди со всей остротой ставится в сказке «Клад» (Аф. 258), традиционно относимой к социальным антипоповским сказкам. Но можно посмотреть на нее еще с одной стороны и увидеть, как зависть к благоденствию и материальному благополучию другого разъедает душу не только рядового человека, но даже священнослужителя, назначение которого — противостоять грехам человеческим и учить этому свою паству. Сказка заставляет задуматься над тем, что может произойти с человеком, совершившим грех. Как сказано в третьей заповеди Блаженства: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Осуждение и неприятие скупости, доведенной до абсурда, очень ярко обрисовано в сказке «Смерть скупого» (Аф. 370). Так же, как и в предыдущей сказке, в ней отражено неприятие народом скупости социально-обеспеченного слоя. Образ скупца, запершегося в избе и глотающего перед смертью монеты и ассигнации, раскрывает последнюю степень порока, доведенного до абсурда. Скряжничество и поклонение золотому тельцу является тяжким нарушением первой Господней заповеди: «Азм есть Господь Бог твой. Да не будут тебе бози инии разве мене». Приговор идет от Бога, а исполнителем его является нечистый, который уносит тело грешника в преисподнюю. Мораль сказки предельно ясна: не нарушай основную Христову заповедь, а если еще не будешь придерживаться заповеди Блаженства: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», то погубишь бессмертную душу, останется только тело (в контексте названное «мешком»), которое, как ненужная вещь, достанется нечистому.

Третью группу сказок можно проиллюстрировать сказкой «Вор и святой Николай» (Аф. 451), которая отражает суть очень актуальной восьмой Господней заповеди «Не укради». По своему характеру и складу она близка к легенде. Святой Николай чаще всего встречается в легендах. Православный люд зовет его великим угодником Божиим и обращается к его заступничеству всякий раз, когда испытывает невзгоды, крепко веря в силу его молитвы перед Богом. Обычно он представляется воображению народа в виде доброго и в то же время строгого старца. В данной сказке, в отличие от ряда других, мораль высказывается прямо, что особенно сближает ее с легендой. Она звучит от лица Николая Угодника: «"Никогда не проси Господа Бога и святых его угодников на злые дела, потому что Господь не благословляет злых дел. Да смотри же помни мои слова, да и прочим скажи, чтоб никогда не просили Бога в худых делах!" Сказал это и скрылся из глаз». В этих словах святого — подсказка для соблюдения третьей Божьей заповеди: «Не произноси имени Господа, Бога твоего в суе».

Через сказочные персонажи народ также отображал свои христианско-религиозные воззрения. Не высказываясь прямо, он наделял героев такими чертами, через которые ярче проявилось бы их духовно-нравственное начало — с точки зрения соответствия Господним заповедям или отхода от них, что обычно несет за собой наказание. Установка на духовно-нравственное начало является определяющим признаком этих сказок. Наиболее близок народу в этом плане образ нищего и убогого, так как сутью их является вера в Бога, которая позволяет им в сложной ситуации сделать правильный моральный выбор и выдержать все испытания. Именно во имя высших духовных ценностей народ отвергает богатство и праздность и приподнимает как самоценность бедность и нищество как подвиг.

Образ Бога — Царя небесного, незримо присутствующего, а иногда предстающего в виде старца, проходит через все сказки с морально-христианскими нормами. В представлении народа он добр и человечен, близок к народу, который живет с его именем¹³. Образ Христа в этих сказках предстает как высший духовный идеал. Этого нет ни в одной из разновидностей русских народных сказок.

В данных сказках народ отразил отработанные на протяжении веков законы нравственного кодекса, которые стали его сутью. А.А.Коринфский писал по этому поводу: «...свет веры Христовой,

озарив темно-туманные дебри народной Руси, внес в ее жизнь новые понятия о порядке и добродетели»¹⁴. Поэтому данные сказки не столько забавляет, сколько учат и указывают на путь спасения. Поэтому так контрастны в них проявления греха и противопоставляемая им добродетель, и религиозная мораль их — это чудо, сотворенное Богом, и самое главное — это человек и его поступки.

Выделив в собрании Афанасьева сказки с ярко выраженной христианско-моралистической направленностью, можно сказать, что они функционировали в народе на базе волшебной и социально-бытовой сказки и, конечно, христианской легенды. По сути это своеобразный синтез внутрижанровых сказочных разновидностей при единстве их поэтической структуры. Они были своеобразным нравственным компасом народа, уникальным явлением в русском сказочном эпосе в силу того, что в них отразились духовно-нравственные постулаты народа.

Актуальным остается высказывание Г.П.Федотова: «Совлечь с себя ветхого человека, начать возрождение России с себя самих. Найти в себе силы делать все, что потребует от нас спасение России, как бы тяжело это ни было... Но от падения в омут грязи и крови, от омертвения в языческом мире интересов и страстей будет спасать нас всегда хранимое, всегда любимое — Небесная Путеводительница — лицо России»¹⁵. Безусловно, необходимо спасать и хранить те вечные христианские ценности, которые были и остаются основой жизни каждого православного человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 12.

² Белинский В.Г. О народных сказках // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 660.

³ Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1938. С. 342.

⁴ Там же. С.3 44.

⁵ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М., 1957. Т. 3. С. 381—391.

⁶ Пропп В.Я. Русская сказка. С. 30.

⁷ Вавилова М.А. Эволюция некоторых разновидностей русской бытовой сказки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. С. 3.

⁸ Кравцов Н.И. Сказка как фольклорный жанр // Специфика фольклорных жанров. М., 1973. С. 80.

⁹ Аникин В.П. Русская народная сказка: Пособие для учителей. М., 1977. С. 180.

¹⁰ Пропп В.Я. Русская сказка. С. 33.

¹¹ Исход, 20, 17.

¹² Федотов Г.П. Русская народная вера по духовным стихам // Федотов Г.П. Стихи духовные. М., 1991. С. 23.

¹³ Духовный стих. Вознесение №1 // Федотов Г.П. Стихи духовные. М., 1991.

¹⁴ Коринфский А.А. Народная Русь. Самара, 1995. С. 501.

¹⁵ Федотов Г.П. Лицо России // Вопросы философии. М., 1990, № 8. С. 136.

Поступила в редакцию 5.02.2003.

E.A. Tamarkina

Motives of Christian morality in the moral-oriented block of Russian folk fairy-tails

The author of the article analyses the essential principles of Russian moral-ethical code, the theses of which can be traced back to commandments of the Holy Writ. A pronounced Christian morality becomes obvious in the set of works «Russian folk fairy-tales» by A.N.Afanasyev. The given block of fairy-tales is a unique phenomenon in the Russian fairy epic literature. This is the first research of fairy-tales from a moral point of view. Legendary and short-story-type fairy-tales with a moral basis are singled out consistently. Whereas the moral block of Russian folk fairy-tales along with their classification and analysis of the three main groups are examined separately.

Тамаркина Элеонора Алексеевна
Удмуртский государственный университет
426034, Россия, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: anttila@udm.ru